

С.С. Матренин

**Некоторые результаты сравнительного изучения
погребальных памятников Горного Алтая
скифо-сакского и хуннского времени**

Систематические исследования погребальных памятников Горного Алтая раннего железного века в 1980–2000-х гг. предоставили разнообразные сведения для реконструкции историко-культурных процессов, которые имели место на данной территории в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Важным событием стало открытие в этом регионе ранних комплексов (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры. Одной из актуальных проблем в изучении названной общности является вопрос о ее генетической связи с предшествующей скифо-сакской эпохой. Исследователи придерживаются позиции, что Алтай в конце II в. до н.э. испытал на себе мощное влияние державы Хунну, а переселение новых групп кочевников из Центральной Азии, вступивших в контакт с местными племенами позднескифского периода, привело к постепенной трансформации или быстрому исчезновению культуры скотоводов 2-й половины VI–III вв. до н.э. Современный корпус археологических источников позволяет на качественно новом уровне обратиться к вопросу о характере соотношения носителей булан-кобинской и пазырыкской культур [1–4].

Важной составляющей в определении роли автохтонного и пришлого населения в сложении «булан-кобинцев» стало комплексное сравнительное изучение погребального обряда кочевников скифо-сакского и хуннского времени. Основой подобной работы послужили сведения по 74 захоронениям усть-эдиганского (II в. до н.э. – I в. н.э.) этапа булан-кобинской культуры, раскопанным на могильниках Пазырык (2), Сары-Бел (4), Чендек (8), Усть-Эдиган (38), Яломан-II (22) [5–14]. Выборка по пазырыкской культуре насчитывала более 500 курганов, опубликованных в своей преобладающей массе в ряде монографий [15–22].

Нами была предложена схема поэтапного сопоставления данных материалов, которая предполагала: 1) анализ всех реализованных элементов обряда, определение общих и особенных параметров разного уровня, обоснование культурно-дифференцирующих характеристик; 2) изучение сочетаемости переменных признаков захоронения, выявление погребальных традиций ранних «булан-кобинцев», возможных вариантов их генезиса. При таком подходе внимание уделялось сопоставлению качественных (формализованных) и количественных («нематериальных») показателей (процентные подсчеты, статистическое соотношение признаков, взаимное нахождение объектов) по возможности с привлечением аналогий

из комплексов раннего железного века сопредельных территорий. Задача состояла в том, чтобы выявить в материалах II в. до н.э. – I в. н.э. инновационные и пережиточные явления, возможные археологические индикаторы этнокультурного взаимодействия. Реализация подобного исследовательского алгоритма нашла отражение в диссертационном сочинении и ряде публикаций автора [23–26]. В данной статье в сокращенном виде будут изложены результаты проделанной работы.

На основе проведенного детального изучения планиграфии, погребальных сооружений, способов захоронения и видов ритуала можно довольно четко обозначить комплекс признаков погребального обряда булан-кобинской культуры, отличающий ее от предшествующей пазырыкской общности [26, с. 40–48]. К числу таких «эталонных» (представленных в более чем 50% объектов) параметров относится следующая комбинация показателей: компактное расположение курганов плотными рядами цепочек, вытянутыми меридионально и с разными отклонениями; небольшие насыпи (диаметр менее 5 м, средняя высота 0,35 м) с кольцевой крепидой вокруг одной могилы различной формы (прямоугольной, трапециевидной, овальной); неглубокие (до 1,5 м) ямы с отвесными и слегка расширяющимися ко дну стенками, ориентированные длинной осью по линии запад–восток и со всевозможными отклонениями; одиночная ингумация головой в восточный и западный сектора, чаще на спине, реже на боку, промежуточные сочетания; погребальная камера в виде ящика из каменных плит, реже дерева, а также выполненная на основе сочетания этих материалов. Важным культурно-дифференцирующим признаком, прослеженным почти в трети погребений II в. до н.э. – I в. н.э., является вариативность размещения сопроводительного захоронения лошади (при доминировании положения «сверху»/в «ногах» человека), укладываемой в различных позах (табл.). Сочетание указанных признаков резко отличает погребальные объекты булан-кобинской культуры от классических памятников пазырыкской культуры и не фиксируется в таком виде в других археологических памятниках из Центральной Азии. Эти данные свидетельствуют о появлении у населения Горного Алтая в хуннское время новой системы организации сакрального пространства для умершего человека, которая, как будет показано ниже, не была связана напрямую с традициями «пазырыкцев».

Процентное соотношение некоторых элементов погребальной практики кочевников
Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени

Признаки погребального обряда	Пазырыкская культура	Булан-кобинская культура
Выкладка-крепида	25	89,5
Сруб	54,4	0
Деревянный ящик/рама	12	5,4
Каменный ящик	13,6	66,2
Каменно-деревянный ящик	0,7	6,7
Каменная обкладка	2,1	13,5
Колода	6,3	4
Отсутствие внутримогильных конструкций	6,7	4
Ориентация головой в восточный сектор	73	66,2
Ориентация головой в западный сектор	20,3	22,9
Положение на спине вытянуто	13	21,6
Положение на спине с согнутыми ногами	8	6,7
Положение на правом боку	68,3	18,9
Положение на левом боку	10,2	12,1
Положение на спине с завалом на правый бок	? ¹	8,1
Положение на спине с завалом на левый бок	? ¹	9,4
Захоронение лошади «сбоку» от человека	27	8,1
Захоронение лошади «сверху»/«в ногах» человека	0	24,3

Приводимые статистические расчеты по пазырыкской культуре выполнены на базе выкладок из монографий А.А. Тишкина, П.К. Дашковского (2003) и Ю.Ф. Кирюшина, Н.Ф. Степановой (2004). Процентные показатели для памятников усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры произведены по 74 захоронениям (100%).

¹ Частота встречаемости указанных признаков в курганах скифо-сакского времени не установлена. Исследователями данные показатели обычно фиксируются как труположение на боку.

Вариативность погребальной практики горно-алтайских кочевников II в. до н.э. – I в. н.э. потребовала проанализировать взаимную встречаемость ее отдельных элементов на базе различных классификационно-корреляционных методов с целью выделения определенных дифференцирующих показателей. Подобная процедура стала основой для выявления возможных этнокультурных компонентов и традиций в составе булан-кобинской культуры. Поскольку развернутое описание программы статистического изучения материалов займет много места, а главное, оно уже опубликовано [25, с. 103–112], ограничимся только перечислением задействованного инструментария и полученных выводов.

При обосновании критериев дифференциации погребального обряда сначала была выполнена классификация таких важнейших его параметров, как погребальные сооружения и способы захоронения. Для этого привлекалась шестичленная система таксономического группирования материала с жестким распределением признаков по уровням иерархии [27–29]. По отношению к погребальным сооружениям содержание таксономических уровней выглядело таким образом. *Группа* – наличие/отсутствие насыпи, впускное захоронение; *разряд* – конструкция и форма выкладок надмогильных сооружений, отсутствие

этих показателей; *раздел* – количество могил; *отдел* – конструкция могильной ямы, ее отсутствие; *тип* – вид основной погребальной камеры; *подтип* – второстепенные элементы оформления камеры. Обряд труположения рассматривался по следующим показателям: *группа* – количество людей в могиле, «классические», «миниатюрные» кенотафы; *разряд* – наличие/отсутствие захоронения лошади; *раздел* – размещение лошади по отношению к человеку; *отдел* – ориентация человека головой относительно основных сторон горизонта; *тип* – поза умершего; *подтип* – особенности положения верхней части тела и ног покойного. Применительно к комплексам хуннского времени список признаков насчитывал 13 позиций для погребальных конструкций и 15 параметров для способов захоронения. В результате классификации оказалось выделено 56 типов погребальных сооружений и 32 типа ингумации населения булан-кобинской культуры, из которых к усть-эдиганскому этапу относились 11 и 15 типов соответственно [30, с. 115–118; 31, с. 46–49]. Полученные типы подверглись взаимной корреляции по методу «преобразования» корреляционного поля, предложенному в свое время М.П. Грязновым [32, с. 240–243]. Его применение позволило соотнести между собой большое число взаимосочетаний качественных признаков (попарно сравнивались комби-

нации из пяти показателей) и выявить три основных совокупности раннебулан-кобинских погребений: 1) без сопроводительных конских захоронений во всех типах камер; 2) с лошадью, уложенной «сбоку» от человека за обкладкой из валунов, реже за стенкой деревянного и каменного ящиков, в яме с перекрытием; 3) с конем «сверху» или «в ногах» покойного в каменном или каменно-деревянном ящике, иногда в обкладке из валунов. Наибольшая дистанция наблюдалась для курганов с разным оформлением конского захоронения, что подчеркивало их разные генетические истоки [26, с. 46–47].

Обозначенные выше тенденции соотношения признаков подтверждались и конкретизировались методами многомерной статистики на базе программного пакета STATISTICA 6.0 (рис. 1). Вычисленные коэффициенты парной линейной корреляции (ассоциации Кэндалла) 16 переменных показателей погребальных памятников хуннского времени (каменный ящик, деревянный ящик, каменно-деревянный ящик, каменная обкладка, отсутствие захоронения коня, лошадь «сверху»/«в ногах» умершего человека, лошадь «сбоку» от покойного, ориентация головой на «восток»,

на «запад», положение человека на спине вытянуто, на спине со слегка согнутыми ногами, с завалом на правый бок, с завалом на левый бок, на правом боку, на левом боку, кенотафы) и их последующее многомерное шкалирование продемонстрировали наличие двух комплексов признаков. Ядро первого комплекса представлено сочетанием восточной ориентации, каменного ящика, положения на правом боку, кенотафа, отсутствие захоронения лошади. На некотором удалении от них оказались такие характеристики, как конь «сверху» или «в ногах», труположение на спине с вытянутыми или слегка согнутыми ногами. Другой комплекс включал западную ориентацию, размещение лошади «сбоку» от человека, позу покойного на левом боку или на спине с завалом на тот же бок, внутримогильную конструкцию в виде каменной обкладки. Более слабые связи с данным набором показателей (но превышающие ее по сравнению с предыдущим комплексом) обнаружили каменно-деревянный ящик, деревянный ящик. Низкие положительные и отрицательные значения корреляции с абсолютным большинством показателей обнаружили для ингумации на спине с завалом на правый бок. После

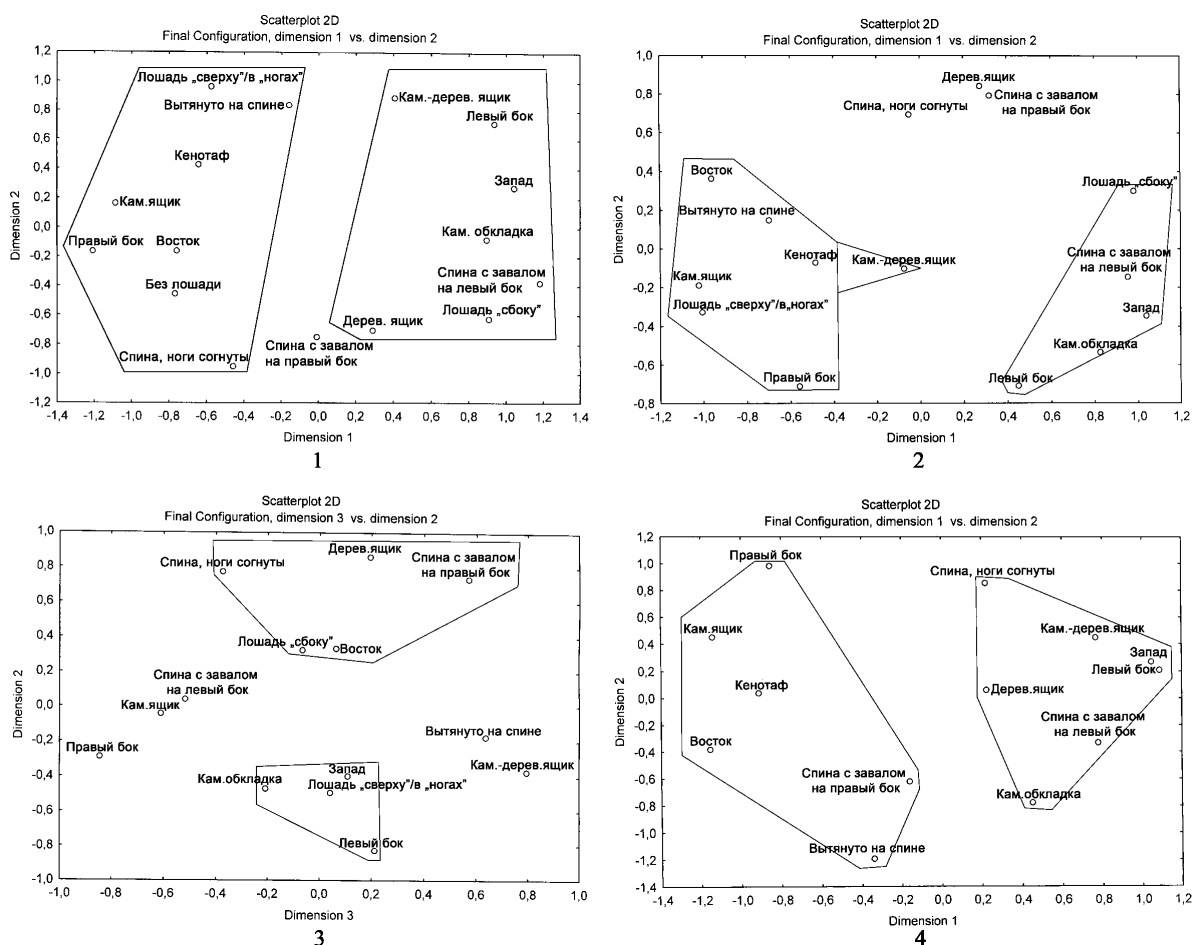


Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования коэффициентов ассоциаций признаков погребального обряда населения Горного Алтая хуннского времени: 1 – вся выборка погребений; 2–3 – объекты с сопроводительным захоронением лошади; 4 – погребения без лошадей

дополнительного шкалирования коэффициентов ассоциации признаков отдельно для выборки погребений с конем и без этого животного отчетливо обозначилось несколько комплексов признаков, разграниченных по сочетанию трех параметров: ориентация умерших людей головой по сторонам горизонта (восточная и западная) – наличие/отсутствие сопроводительного захоронения лошади – размещение животного в могиле относительно человека («сверху»/«в ногах» или «сбоку»). Погребальные сооружения и поза покойных играли второстепенную роль в такой дифференциации, хотя в некоторых случаях они обнаруживали довольно устойчивые комбинации с указанными выше элементами.

На заключительной стадии корреляционного изучения была проанализирована степень близости погребений усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры по коэффициенту общего сходства Гауэра [33]. Последний вычислялся по формуле $G_{12j} = \sum_j W_{12j} S_{12j} / \sum_j W_{12j}$, где S – вклад признака J (1 или 0 в зависимости от наличия переменной в обоих либо в одном сравниваемом объекте); W – вес признака J (1 – в случае присутствия признака у двух объектов; 0 – только в одном объекте)*. В обработке использовались 32 погребения с несовпадающими признаками, набор которых практически не отличался от того, что был задействован на предыдущем этапе исследования. Многомерное шкалирование попарно полученных для каждого объекта коэффициентов общего сходства позволило выделить шесть типологических групп погребений населения Горного Алтая хуннского периода (рис. 2). Данные группы определялись связью объектов по множеству частных свойств, значительно превышавшую подобную сопряженность с другими объектами, но не предполагающую общности учитываемых элементов [34, с. 361]. С учетом всей совокупности захоронений приведем характеристику следующих полученных образований и возможных направлений генезиса оставившего их населения.

Группа I. Ингумация без лошади с восточной ориентацией умерших людей, покоящихся в основном на правом боку (32,2%) или спине с прямыми ногами (25,8%), реже с завалом на правый бок (16,1%). Приводимые здесь и далее проценты сделаны от общего числа объектов отдельно взятой группы. По одному случаю (3,2%) зафиксированы позы на спине со слегка согнутыми нижними конечностями и на спине с завалом туловища на левый бок. Погребения обычно совершались в каменных ящиках (80,6%). К другим разновидностям камер относятся каменная обкладка

* Пример:

	Значения признака J				Σ_j
Объект 1	+	+	–	–	
Объект 2	+	–	+	–	
S_{12j}	1	0	0	0	1
W_{12j}	1	1	1	0	3

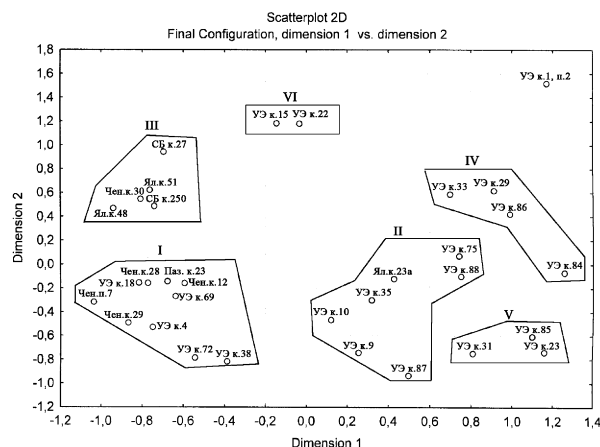


Рис. 2. Многомерное шкалирование коэффициентов общего сходства Гауэра и выделение типологических групп погребений усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (условные обозначения: Паз. – Пазырык; СБ – Сары-Бел; УЭ – Усть-Эдиган; Чен. – Чендек; Ял. – Яломан-II)

(12,9%), яма (3,2%). Такие погребения являются самыми многочисленными (31 объект) в Центральном, Северном и, возможно, Восточном Алтае: Пазырык, курганы №23 и 24 [5]; Усть-Эдиган, курганы №3 (погребения 3 и 3а), 4, 13, 18, 25, 30, 38, 69, 71–73, 76, 79, 80 [6; 8; 9; 35], Чендек, погребения №6 и 7, курганы №11–13, 28, 29 [11; 12], Яломан-II, курганы №45, 53, 55, 56, 57а, 58, 60а [14].

По своим характеристикам такие захоронения обнаруживают наиболее широкий круг аналогий в материалах скифо-сакского периода из Саяно-Алтая. Возможно, это свидетельствует о гетерогенном облике населения, оставившего данные погребальные объекты. В его состав могли входить, например, местные этнические «непазырыкцы» (мы отождествляем их с массивом погребений без лошадей в каменных ящиках и обкладках, рамах), выходцы из Верхнего Прииртышья, Тувы или Монголии. Учитывая сходство этого обряда с комплексами скифо-сакского времени из разных районов Горного Алтая и сопредельных регионов, идентифицировать роль в генезисе его носителей местных и пришлых этнокультурных компонентов пока трудно. Хочется надеяться, что определенную помощь в решении этого вопроса окажут результаты будущих исследований антропологических источников.

Группа II. Труположение без лошади с ориентацией покойных головой в западный сектор, преимущественно на левом боку (44,4%), в остальных случаях на спине с завалом на левый бок (22,2%), со слегка согнутыми (22,2%) и прямыми (11,1%) нижними конечностями. Захоронения производились в каменных (55,5%), каменно-деревянных (22,2%) ящиках, каменных обкладках (22,2%) иногда в сочетании с деревянной камерой. Такие объекты происходят пока в основном из Северного Алтая: Усть-Эдиган, курганы №7, 9, 10, 35, 37, 75, 87, 88 [7; 8; 9; 35]. Один

курган хуннского времени с указанными признаками исследован в Центральном Алтае на памятнике Яломан-II – курган №23а [14].

При интерпретации данной группы важно указать, что курганы пазырыкской культуры с ориентацией умерших людей в западном направлении на территории Северного Алтая имеют достаточно раннюю хронологию (2-я половина VI–V вв. до н.э.) и погребения в них совершены преимущественно на правом боку или вытянуто на спине, крайне редко в каменных ящиках [20, табл. 2]. Судя по имеющимся на сегодняшний день хронологическим выкладкам, в этом районе Алтая на заключительном этапе скифосакской эпохи (IV–III вв. до н.э.) сочетания такой ориентации с каменно-деревянным ящиком либо каменной обкладкой не представлены. Наиболее часто этот комплекс признаков обнаруживается в могильниках пазырыкской культуры из Юго-Восточного Алтая, что вызвано соседством с Тувой. Относительно много захоронений V–IV вв. до н.э. с западной ориентацией, правда, в вытянутой позе, раскопано сейчас в Северо-Западном Алтае. Наличие западной ориентации, каменных ящиков, положения вытянуто на спине часто фиксируется в майэмирских и кула-жургинских комплексах Казахстана [36, с. 64–80; 37, с. 37]. Таким образом, появление в Северном Алтае на усть-эдиганском этапе булан-кобинской культуры сравнительно многочисленных курганов с западной ориентацией и каменными ящиками, преобладающим труположением на левом боку и спине с завалом на этот бок, может свидетельствовать о перемещении туда племен из периферийных районов Горного Алтая, Восточного Казахстана, Тувы, Верхнего Прииртышья в связи с распространением на рубеже III–II вв. до н.э. экспансии державы Маодуня на северные районы Центральной Азии. Для всех этих регионов отмечается большая роль в культурогенетических процессах «непазырыкских» групп населения. Более четкое определение хронологии и направлений данных передвижений, равно как и установление датировки указанных курганов, нуждается в отдельном изучении. Не исключено, что в этом принимали участие потомки «бийкенцев», вытесненных в свое время «пазырыкцами».

Группа III. Ее определяющие черты – ингумация с лошастью «сверху» или в «ногах» человека, ориентированного головой «на восток» вытянуто на спине (40%) или правом боку (26,6%), в немногих случаях на спине со слабо согнутыми ногами (6,6%). Погребения совершались почти всегда (86,6%) в каменных ящиках (иногда в сочетании с колодой), редко в каменно-деревянных конструкциях (13,3%). Все 15 погребений данной группы происходят из Центрального Алтая: Чендек, курган №30 [11], Сары-Бел, курганы №27, 149, 250 [13], Яломан-II, курганы №46, 48, 51, 52, 54, 57, 59–63 [14]. В других районах Горного Алтая объекты II в. до н.э. – V в. н.э. пока не известны.

В пазырыкских курганах с каменными ящиками сопроводительные захоронения лошадей встречаются крайне редко [19, с. 65; 38, с. 486]. По приведенной в монографии А.С. Суразакова сводке о 56 известных к середине 1980-х гг. «кара-кобинских» погребениях, к которым этот исследователь отнес отдельные объекты из Верхнего Прииртышья и северных предгорий Алтая, лошади присутствовали только в 13 (23,2%), при этом 11 из них происходили с территории Восточного Казахстана [18, табл. 2]. Показательно, что собственно горно-алтайские погребения VI–III вв. до н.э. в каменных ящиках с этим животным всегда совершены по «классическому» пазырыкскому канону (человек уложен на правый бок головой в восточный сектор, лошадь за северной стенкой камеры), а также имеют «богатый» сопроводительный инвентарь [17, с. 20–21, табл. XXVI, XXVIII; 18, с. 82, 85, 97; 39, с. 75; 40, с. 46]. Эти случаи можно рассматривать как результат включения «кара-кобинцев» в верхние слои пазырыкского социума, т.е. формирование так называемой «двойной» элиты [41]. Это резко контрастирует с широким распространением на усть-эдиганском этапе булан-кобинской культуры каменных ящиков с новой традицией оформления конских захоронений «сверху»/в «ногах» человека. Данный обряд в хуннское время в Центральном Алтае представлен в сложившемся виде. По целому ряду элементов он находит себе наиболее близкие параллели в памятниках кула-жургинского типа Верхнего Прииртышья (вопрос о его генетической связи с «кула-жургинцами» нуждается в дополнительной проработке с учетом данных палеоантропологии). К сожалению, наши знания об археологии этого региона 2-й половины I тыс. до н.э. по-прежнему фрагментны. Если следовать выводам С.С. Черникова, в Восточном Казахстане во II–I вв. до н.э. захоронения в сопровождении коней исчезают и увеличивается число комплексов без внутримогильных конструкций [42, с. 136]. Можно высказать предположение, что булан-кобинское население, оставившее такие погребения, входило в состав хуннской державы еще до переселения на Алтай, благодаря чему испытало на себе сильное влияние материальной культуры хунну [43, с. 327–333]. Таким образом, данная группа погребений наиболее ярко фиксирует появление в Горном Алтае в хуннское время нового этнокультурного компонента, который, вероятно, составил костяк этноса-элиты раннебулан-кобинского социума.

Группа IV. Ингумация головой «на запад» в сопровождении коня «сверху» или «в ногах» человека, уложенного на левый бок со слабо согнутыми ногами. Камера могла быть оформлена в виде каменного, каменно-деревянного ящика, каменной обкладки. Данная совокупность включает курганы №29, 33, 86 могильника Усть-Эдиган [8; 9; 35; 44].

Данный вариант погребального обряда в Горном Алтае в хуннское время, по-видимому, является ре-

результатом взаимодействия населения, практиковавшего ингумацию с лошадью «сверху»/в «ногах» человека и одиночные захоронения людей головой в западный сектор. Вопрос о времени формирования погребений этой группы остается открытым.

Группа V. Захоронение с конем сбоку от человека, ориентированного головой на «запад». Умерший покоем на спине с завалом на левый бок (80%) или на левом боку (20%) со слабо согнутыми ногами. Погребения выполнялись обычно в обкладках из валунов (60%). Единожды зафиксированы каменный ящик (20%) и яма (20%). Эта типологическая группа включает пять погребений из Северного Алтая: Усть-Эдиган, курган №1, погребение №3, курганы №23, 31, 84, 85 [6; 8; 9; 35].

В Горном Алтае в VI–III вв. до н.э. захоронения с конем, расположенным сбоку от человека и обращенным головой в западный сектор, встречаются исключительно редко [19, с. 109–110; 38, с. 486]. Булан-кобинские курганы с такой ингумацией и внутримогильными сооружениями можно сопоставить с некоторыми поздними майэмирскими комплексами (Тыткескень-VI, к. №27), отдельными, явно инородными, погребальными объектами пазырыкской культуры (Кызыл-Джар-III, к. №3) [19; 45]. Сочетание западной ориентации, конского захоронения вдоль северной стенки, вытянутого положения фиксируется в скифо-сакское время в Восточном Казахстане (так называемый «пазырыкский» тип памятников буконовского этапа VI–IV вв. до н.э.) [46, с. 143]. В пазырыкских могильниках IV–III вв. до н.э. Северного Алтая такой обряд пока не встречен. По-видимому, рассматриваемые погребения хуннского времени принадлежат смешанному населению, аккумулировавшему в трансформированном виде традиции местного, «пазырыкского», и пришлого этнокультурных компонентов. Последний мог быть близким по происхождению с кочевниками, оставившими одиночные захоронения с западной ориентацией (группа II).

Группа VI. Отличается конским захоронением сбоку от человека и восточным направлением ориентации погребенного, уложенного на спину со слегка согнутыми ногами или с завалом туловища на правый бок. Погребальная камера представлена деревянным ящиком. Такие захоронения изучены в курганах №15 и 22 могильника Усть-Эдиган [6]. Они обнаруживают наибольшее сходство с классическими памятниками пазырыкской культуры (конечно, при наличии между ними различий в конструкции насыпи, размерах могилы, устройстве погребальной камеры, других элементах). Это свидетельствует об участии в генезисе отдельных групп населения булан-кобинской общности собственно этнических «пазырыкцев». Однако роль этого компонента в становлении культуры хуннского времени была скромной. В булан-кобинских памятниках II – I-й половины IV вв. н.э. (свыше 400 погребений) подобные захоронения не выявлены.

Правомерность представленных выводов подтверждает кластерный анализ типологических групп булан-кобинских погребений (рис. 3).

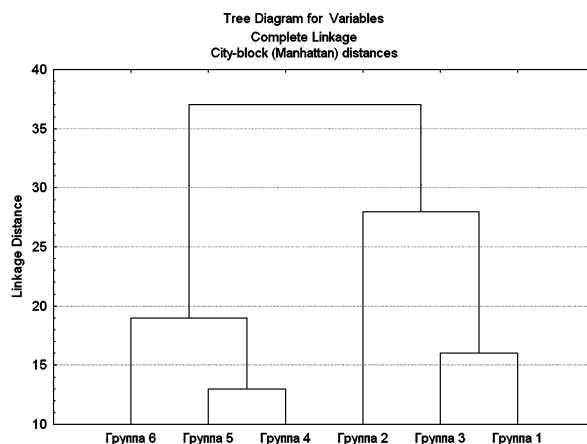


Рис. 3. Дендрограмма кластеризации типологических групп погребений усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры по 17 признакам

Проведенное исследование погребального обряда позволяет сделать следующие выводы о характере соотношения археологических культур Горного Алтая хуннского и скифо-сакского времени [26, с. 50–51].

1. Наблюдается существенное отличие погребального обряда кочевников пазырыкской и булан-кобинской культур, фиксируемое на уровне сопоставления материальных и статистических показателей, их взаимного сочетания.

2. Булан-кобинская культура сложилась на полиэтничной основе и ее развитие определялось сложными формами взаимоотношений нескольких групп кочевых скотоводов. Отражением этого выступает существование нескольких вариантов погребального обряда (типологических групп погребений), имеющих разные генетические истоки. Вопрос о времени появления и распространения данных групп, а также механизмах взаимодействия оставившего их населения нуждается в дополнительной проработке.

3. В погребальном обряде населения Горного Алтая хуннского периода отмечается доминирование инновационных элементов. Ведущую роль в формировании булан-кобинской общности сыграл пришлый этнокультурный компонент, появление которого в Горном Алтае связано с завоеванием на рубеже III–II вв. до н.э. хунну Саяно-Алтая, а также с окончательной победой над царством «Большое Юэцжи» в 165 г. до н.э. Свою роль в этом процессе мог сыграть перенос ставки хуннских правителей на север Монголии в 123 г. до н.э. [3, с. 160; 47, с. 94]. По элементам погребального обряда пришлый компонент находит себе пока наиболее близкие аналогии в памятниках кула-жургинского типа из Верхнего Прииртышья и некоторых других комплексах Восточного Казахстана.

на. Данное население очень хорошо было знакомо с материальной культурой хунну. Возможно, оно находилось в составе хуннской державы еще до переселения на Алтай. Местный компонент оказался разнородным. В него входили потомки населения скифо-сакского времени (почти исключительно «пазырыкские» по своему происхождению), сохранившиеся в Горном Алтае после уничтожения и ухода этноса-элиты. Роль собственно «пазырыкцев» (отождествляемых с номадами, хоронившими в деревянных камерах на правом боку головой на восток в сопровождении коня за северной стенкой сруба) в генезисе булан-кобинской культуры была незначительной. Четко идентифицировать этнокультурный состав местного «непазырыкского» компонента сложно. В этом плане можно указать, что среди пережитков традиций предшествующей, скифо-сакской, эпохи в хуннское время отмечены в основном черты, наиболее характерные для обрядности кочевников, проживавших на периферии Горного Алтая и сопредельных территориях (пограничные с Монголией и Тувой области Юго-Восточного Алтая, Северо-Западный Алтай). Данное население было продуктом смешения представителей различных культурных общностей и занимало подчиненное положение в этносоциальной структуре объединения алтайских номадов VI–III вв. до н.э. Наличие в керамическом комплексе раннебулан-кобинских кочевников «северных» (предгорно-равнинных) традиций делает актуальным вопрос о месте в культурогенетических процессах выходцев из предгорий Алтая [48, с. 207–208; 49, с. 133, 135], контакты с которыми происходили в течение всей 2-й половины I тыс. до н.э.

4. Неодинаковая концентрация типологических групп погребений хуннского времени в рамках центрального и северного районов Горного Алтая свидетельствует о преобладании там разных этнокультурных компонентов. В Центральном Алтае пришлый компонент представлен, по-видимому, в наиболее чистом виде: ингумация человека в каменном ящике с конем, уложенным «сверху»/в «ногах» человека, ориентированного головой в восточный сектор (группа III). Важно, что многие курганы с такими признаками в могильнике Яломан-II содер-

жат больше всего престижных вещей из комплекса украшений, предметов костюма (пластины-диадемы, художественный металл), снаряжения верхового коня (декоративная уздечная гарнитура), бытовой утвари (котел), разнообразный состав вооружения. Судя по всему, их можно соотнести с элитой раннебулан-кобинских кочевников. Для Северного Алтая отмечено значительное разнообразие погребальных традиций, в том числе местного происхождения (фиксируются практически все типологические группы погребений). Материалы некрополя Усть-Эдиган показывают, что носители разных вариантов погребального обряда осознавали свою принадлежность к близкой культурной общности.

5. По совокупности признаков памятники усть-эдиганского этапа отражают новый, полностью сложившийся погребальный обряд, который обнаруживает большее сходство с раннепазырыкскими и позднемайэмскими материалами, чем с комплексами заключительного (шибинского) этапа, датируемого последней четвертью IV–III вв. до н.э. В целом между сравниваемыми массивами фиксируется больше различий, при бесспорном наличии общих формальных показателей. Отсутствие некрополей, фиксирующих переходные формы ритуала и трансформацию пазырыкской культуры в булан-кобинскую, а также существенные различия по большому перечню показателей и их сочетаниям позволяют утверждать, что между ними нет прямой генетической связи. Данный вывод потребует специального анализа антропологических материалов современными методами. Ранее сделанные в этом плане выкладки базировались на материалах развитого (бело-бомского) этапа булан-кобинской культуры [50, с. 581–582; 51, с. 116–131]. Для более полноценных этнокультурных реконструкций необходимо соотнести интерпретацию погребального обряда с результатами комплексного изучения всего вещевого комплекса.

В заключение необходимо подчеркнуть, что некоторые сделанные выводы и наблюдения должны быть в дальнейшем откорректированы с учетом введения в научный оборот всех уже известных археологических источников и получения новых сведений.

Библиографический список

1. Тишкин, А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая / А.А. Тишкин // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004.
2. Тишкин, А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... докт. ист. наук / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2006.
3. Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2007.

4. Тишкин, А.А. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Российская археология. – 2006. – №3.
5. Сорокин, С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка / С.С. Сорокин // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1977. – Вып. 18.
6. Худяков, Ю.С. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году / Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, М.В. Мороз // Археологические исследования на Катуні. – Новосибирск, 1990.

7. Худяков, Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган / Ю.С. Худяков // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992.
8. Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае / Ю.С. Худяков // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997.
9. Худяков, Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае / Ю.С. Худяков // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3.
10. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году / Ю.С. Худяков // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск, 1998.
11. Соенов, В.И. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні / В.И. Соенов, А.В. Эбель. – Горно-Алтайск, 1992.
12. Киреев, С.М. Археологические исследования в Уймонской котловине / С.М. Киреев, П.И. Кудрявцев, Е.В. Вайнбергер // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992.
13. Соенов, В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел / В.И. Соенов // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4.
14. Тишкин, А.А. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. I.
15. Кубарев, В.Д. Курганы Уландрыка / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1987.
16. Кубарев, В.Д. Курганы Юстыда / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1991.
17. Кубарев, В.Д. Курганы Сайлюгема / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1992.
18. Суразаков, А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения / А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1988.
19. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. – Барнаул, 2003.
20. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова. – Барнаул, 2004.
21. Тишкин, А.А. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул, 2003.
22. Кубарев, В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул, 2007.
23. Матренин, С.С. К вопросу о выделении типов погребений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Западная и Южная Сибирь в древности / С.С. Матренин. – Барнаул, 2005.
24. Матренин, С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.С. Матренин. – Барнаул, 2005.
25. Матренин, С.С. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) / С.С. Матренин, А.А. Тишкин // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2007. – Вып. 3.
26. Тишкин, А.А. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени / А.А. Тишкин, С.С. Матренин // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2007. – Вып. 3.
27. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточный Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966.
28. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / И.Л. Кызласов. – М., 1983.
29. Кирюшин Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул, 1997.
30. Матренин, С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. / С.С. Матренин // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 1.
31. Матренин, С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. / С.С. Матренин // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2.
32. Грязнов, М.П. Древняя бронза Мунусинских степей / М.П. Грязнов // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. – Л., 1941.
33. Gower, G.C. A general coefficient of similarity and some its properties / G.C. Gower // Biometrics. – 1971. – №27.
34. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л., 1991.
35. Соенов, В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ) / В.И. Соенов. – Горно-Алтайск, 2003.
36. Черников, С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 года / С.С. Черников // Известия АН КазССР. Сер. археол. – Алма-Ата, 1951. – Вып. 3.
37. Марсадобов, Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... докт. культурологии / Л.С. Марсадобов. – СПб., 2000.
38. Степанова, Н.Ф. К вопросу о кара-кобинской культуре скифского времени Горного Алтая / Н.Ф. Степанова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. I.
39. Могильников, В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая / В.А. Могильников // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
40. Суразаков, А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) / А.С. Суразаков // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983.
41. Тишкин, А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов / А.А. Тишкин // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ, 2005.
42. Черников, С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим

материалам Восточного Казахстана) / С.С. Черников // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

43. Тишкин, А.А. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – Ч. I.

44. Борисенко, А.Ю. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №1(17).

45. Могильников, В.А. Курганы Казыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. / В.А. Могильников // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.

46. Боковенко, Н.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана / Н.А. Боковенко, Ю.А. Заднепровский // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.

47. Савинов, Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени / Д.Г. Савинов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991.

48. Худяков, Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган / Ю.С. Худяков // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.

49. Тишкин, А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II / А.А. Тишкин // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005.

50. Ким, А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. / А.Р. Ким // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988.

51. Чикишева, Т.А. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время / Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №3.